

СТРАНИЦЫ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

*Светлой памяти участников героических
и трагических событий посвящается...*

Продолжение Начало в №№ 17-21, 2001 г.

Сбегаю по лестнице вниз, я увидел, как из разрушенного фланца дренажного маслопровода диаметром 200 мм на отметке +5.0 вылилась широкая струя масла и растеклась по отметке 0.00. Поток бежал вдоль конденсатных насосов 1-го подъема и сливался в подвал. На площадке маслосистемы ТГ-7 тоже были завалы и к аварийной кнопке отключения маслоснасоса смазки подойти не удалось, так как было скользко из-за разлитого масла и мешали обломки строительных конструкций, было много пыли и дыма, освещения не хватало. Я раскатал пожарный рукав, бросил ствол на пол и, связавшись с БЩУ-4 из телефонной будки, дал распоряжение СИУТУ дистанционно отключить насос маслосистемы смазки ТГ-7, затем я предупредил НСБ о том, что по моему указанию МПТ Ю. Корнеев вытесняет водород из корпуса генератора № 8. НСБ Акимов ответил по телефону, что информацию принял к сведению и сообщит об этом электрикам.

Выполнив на бегу осмотр нижних отметок ТГ-7 и никого не встретив, я забежал в лабораторию ТХЗ «Турбоатом». Дверь была закрыта, открыл её один из работников завода и спросил, что случилось на станции. Ответив, что я не знаю, я потребовал их ухода на первую очередь ЧАЭС. Не помню точного ответа, но смысл заключался в том, что условия в лаборатории лучше, чем где-либо (свет, кондиционер, шумоизоляция), возможно, они не хотели покидать доверенное им оборудование. Позже, из разговора с наладчиками Чернобыльской пуско-наладочной бригады «Смоленскатомэнергонадзора», проводившими замеры вибрации ТГ-8 совместно с ними, я узнал, что работники ТХЗ к этому времени уже предприняли выход из машзала за стену деаэрационной этажерки, осмотрели развал реактора с западной стороны реакторного отделения на уровне земли у ворот в торце машзала и вернулись обратно в машинный зал. Видимо, поэтому, несмотря на то, что сотрудники ТХЗ покинули машинный зал гораздо раньше Бусыгина и Корнеева, двое из них получили летальную дозу облучения и умерли, один остался жив, перенёс ОЛБ.

Вернувшись из машзала на БЩУ-4, я увидел всех операторов на месте, тут же находился дозиметрист. Начальника смены дозиметрической службы В. Самойленко я встретил в машзале, где он потребовал от меня оградить завал и удалиться из зоны ТГ-7. Загрязнения и плакаты я не выставил, так как на это требовалось время и люди, а в первую очередь мне необходимо было принять меры против пожара.

На БЩУ-4 я спросил дозиметриста, какая мощность дозы излучения?! (К этому времени уже было ясно, что произошла авария в реакторном отделении и одновременно с этим появилось постоянное чувство тревоги за радиационную безопасность). Дозиметрист сообщил, что от меня зашкаливает прибор, и мне необходимо поменять спецодежду. На мои дальнейшие вопросы он ответил: на БЩУ-4 оперативном, где мы стоим, мощность дозы 500 мкР\сек, на неоперативном — 1000 мкР\сек, в машзале — тоже 1000 мкР\сек.

По профессиональной привычке я мгновенно оценил часовую дозу 3,6 бэр, стало быть, разрешённую аварийную дозу в 10 бэр, можно выбрать за 3 часа. Дозу в 10 бэр, оправданную в случаях, требующих выполнения аварийных работ на АЭС, по правилам РБ (НРБ), необходимо было согласовывать с директором или главным инженером АЭС. У меня на это согласование не было ни времени, ни возможности, покинуть машзал в этой ситуации я не мог. Когда я находился уже в больнице МСЧ-126 г. Припяти, мне сообщили, что 1000 мкР\сек — это предел измерения прибора у дозиметриста, фактические дозы были в сотни раз больше, и только у начальника смены РБ был прибор с максимальной шкалой измерения 50 Р\час.

Более поздняя информация дозиметрической разведки установила большую неравномерность дозы гамма-излучения по машзалу. Очевидно, основную дозу облучения погубили машинисты Бражник и Перчук получили во время выполнения работ по ручному открытию двух задвижек аварийного слива масла из главного маслобака ТГ-7 (т.к. дистанционно, по команде СИУТА с БЩУ-4 эти задвижки не открылись, был повреждён питающий электрокабель). Как мне сообщил позже назначенный главным инжене-

ром ЧЭАС Н.А. Штейнберг (ранее работавший начальником ТЦ-2), при дозиметрической разведке, проведённой химическими войсками в бронетехнике с применением коллиматора, им удалось обнаружить мощный источник гамма-излучения на токопроводах блочного трансформатора, примыкающему к машзалу на световом дворе (южная сторона), им оказалась разрушенная тепловыделяющая сборка с ядерным топливом, выброшенная при взрыве из активной зоны реактора. Это буквально в нескольких метрах от тех задвижек опорожнения главного маслобака ТГ-7, которые открывали вручную машинисты, а мощность дозы от «горячей» тепловыделяющей сборки (ТВС) с ядерным топливом составляла десятки тысяч рентген в час.

Я кратко переговорил по телефону с машинисткой береговой насосной станции (БНС-20). Она сообщила, что здание береговой насосной станции сотрясилось, окна выбиты, но оборудование всё осталось в работе, она спросила меня, что ей делать? И хотя в её голосе чувствовалась сильная тревога, но признаков паники не было. Я сказал ей, чтобы она пока находилась в комнате машиниста БНС и не выходила из здания насосной.

В машзале дышать было трудно, в воздухе было много пыли, воздух влажный, у меня язык и горло пересохли, я ощущал запах озона, но допустить мысль, что это результат радиационной ионизации атмосферы, я не мог, так как не знал реальной мощности дозы гамма-излучения.

В машинном зале после смены спецодежды я встретил троих: Бусыгина, Перчука, Корнеева. Последний доложил мне, что из генератора № 8 идёт вытеснение водорода. С Перчуком я поделился своими опасениями о связи очагов горения с обломками, выпавшими на кровлю, так как необходимо было решить, включать систему водяного пожаротушения кровли машзала или нет. С одной стороны, её хотелось включить для орошения кровли, не смотря на отсутствие внешних признаков горения, не видимых из машзала, с другой стороны, при частично разрушенной кровле над шкафами электрических сборок по ряду «Б» потоки воды попали бы на эти сборки и могли вызвать короткие замыкания в них и возгорания со всеми вытекающими из этого последствиями. Перчук мои сомнения развеял. Он доложил, что на кровле машзала побывал (по пожарной лестнице снаружи машзала по ряду А) и никаких возгораний там нет (пожар был локализован пожарными ВПЧ-2. Позже, при разговоре с очевидцами, я узнал, что горела крыша реакторного отделения).

Третий, кого я увидел в последний раз в машзале из работников смены ТЦ-2, был Бусыгин Г.В. Он сообщил мне, что получил распоряжение с БЩУ-4 отсечь левую группу деаэраторов от правой, чтобы предотвратить дальнейшую утечку питательной воды через повреждённый всасывающий трубопровод питательного насоса ЧПН-2, и, тем самым обеспечить подачу охлаждающей воды на реактор из правой группы деаэраторов (но, как потом выяснилось, все попытки подать охлаждающую воду в разрушенный реактор были бесполезны, трубопроводные коммуникации были разрушены при взрыве и охлаждающая вода не доходила до реактора, а только заливала нижние отметки реакторного отделения, машзала и деаэрационной этажерки и от попытки подать охлаждающую воду в разрушенный реактор отказались).

А я вернулся из машзала на БЩУ-4. Персонал БЩУ-4 был очень возбуждён, делились между собой информацией о результатах обходов и осмотров по реакторному отделению и машзалу и пили для профилактики от поражения радиоактивным йодом щитовидной железы спиртовой раствор йодной настойки, разбавляя его водой из чайника. Таблеток йодистого калия в аптечке БЩУ-4 не было. Я от предложения выпить водный раствор йодной настойки отказался, так как в машзале на 3 блоке в оборудованном месте находился специальный запас средств индивидуальной защиты и я побежал туда через БЩУ-3, запросил у НСБ 3 блока Ю.Э. Багдасарова данные о радиационной обстановке, он сообщил, что на БЩУ-3 около 100 мкР\сек, в воздухе радиоактивные аэрозоли, что необходимо надеть респиратор «лепесток». Шкаф в помещении дежурного слесаря цеха, где хранились средства индивидуальной защиты, был закрыт на замок, ключи от которого, как и положено, хранились в помещении старшего машиниста, вход в которое был под завалом.

(Продолжение следует.)

Николай ПОПОВ, с июня 1986 по февраль 1987-го в качестве инженера-инспектора «Госатомэнергонадзора» осуществлял контроль за сооружением объекта «Укрытие»